

ВВЕДЕНИЕ

Изучение любой научной дисциплины предполагает прежде всего ознакомление с ее историографией. Это позволяет не только уяснить состояние данной отрасли знаний, но и наметить перспективы их дальнейшего развития.

Что касается русской философии, то ее историография охватывает едва ли не двухсотлетний период. За это время появилось множество всевозможных «очерков», «историй», «введений», отмеченных разными подходами к вопросам методологии, разными представлениями о целях и задачах исследования отечественного любования.

Так, *Б. П. Вышеславцев*, автор известного труда «Вечное в русской философии», утверждает, что «не существует никакой специально русской философии», и можно говорить лишь о «русском способе переживания и обсуждения» мировых философских проблем. Доминантой этих переживаний, по его мнению, является «проблема Иова», т. е. страдания¹. В принципе, конечно, это верно, но в русской философии не меньшее значение имели проблемы свободы, смыслоискания, творчества, которые почему-то не замечает автор.

Или другой пример – *С. Л. Франк*. Хотя, как он считает, русская философия начинается с «цивилизаторских усилий Петра Великого», тем не менее, на его взгляд, «с того времени и по настоящий день Россия не знает ни одного философа классического высокого стиля, который удостоверял бы себя в духе западноевропейских философов»². Согласно Франку, «русский дух обладает исключительной склонностью к религиозной точке зрения на жизнь»; причем, главным здесь оказывается «происходящее из мистической ин-

¹ См.: *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии // *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса. – М., 1994. С. 154–155.

² *Франк С.Л.* Русская философия, ее характерная особенность и задача // *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. – СПб., 1996. С. 205.

туции... созерцательное углубление... в познание онтологических первооснований бытия»¹. Изображая в таком ракурсе специфику русской философии, он и себя причисляет к выразителям подобных тенденций.

В интуитивизме и онтологизме усматривает своеобразие русской философии и *В. В. Зеньковский*, связывая с этим то, что русские мыслители, как ему кажется, «отодвигают теорию познания на второстепенное место»². Поэтому они «с напряженным вниманием» обращаются «к социальной проблеме... к проблемам историософии»³. Это обстоятельство, по его словам, «было не особенно благоприятно для развития “чистой” философии», создавая «опаснейшее приспособление теоретических построений к “злобе дня”»⁴. Споры нет, социальность была любимым детищем русской философии (вспомним знаменитое: «Социальность, социальность или смерть!» Белинского), однако из этого вовсе не следует, что она отстранялась от теории познания. Зеньковский не учитывает, что теория познания неоднородна и включает два основных раздела: гносеологию, или учение о знании, и словологию, или учение о соотношении языка и мышления. Соответственно, существовала своеобразная «специализация» между западноевропейскими и русскими мыслителями: первые больше прикладывали усилий к разработке гносеологии, вторые – словологии. Без учета этого момента трудно рассчитывать на объективное освещение русского историко-философского процесса.

Но, пожалуй, особенной пристрастностью отличается методология *Б. В. Яковенко*. В своем «Очерке русской философии» он заявляет, что основным критерием ценности любого философского движения служит «одновременная наличность в нем и глубокого традиционализма, и смелой оригинальности». Но ничего этого, на его взгляд, нет в философских течениях, обнаруживающихся «в атмосфере русской национальности»: «Все, что Россия имела и дала философского, все это родилось либо из прямого подражания, либо из бессознательного подчинения себя чужим влияниям, либо из эклектического стремления слепить воедино несколько господствующих чужих течений»⁵. И что всего «неблагоприятнее и печальнее»,

¹ Там же. С. 210.

² *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 1. – Л., 1991. С. 15.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ *Яковенко Б.В.* Очерки русской философии // *Яковенко Б.В.* Мошь философии. – СПб., 2000. С. 742.

сокрушается Яковенко, так это то, что «свой философский выбор русский дух нередко делал под влиянием мотивов, внутренне посторонних самому философскому творчеству», и притом «почти всегда отдавал слишком явно предпочтение тенденциям, хотя и существенным, но систематически уже превзойденным общим философским развитием»¹. Остается лишь удивляться, зачем же тогда понадобилось автору тратить время и силы на составление пухлых опусов по «подражательной» и «бессознательной» философии. Зеньковский был прав, говоря, что «изложение Б. Яковенко очень страдает от общей его позиции... Он не чувствует ни внутренней связности в развитии философской мысли в России, ни связи философии с общей культурой»².

Таким образом, необходима существенная корректировка общей методологии исследования русской философии, «очищение» ее от тех субъективистских стереотипов, которые мешают объективному рассмотрению и интерпретации исторического содержания отечественной мысли.

Одним из таких стереотипов является *аксиологизм*, т. е. осмысление национального историко-философского процесса в контексте новейших представлений о предмете и сущности философии.

Это можно пояснить на примере *Г. Г. Шпета*. Для него, как сторонника гуссерлианства, восприятие философии «как мудрости и морали непременно утилитарно», поэтому он, в соответствии с рецептами феноменологии, предлагает «углубиться до идеи философии как чистого знания, чтобы восприятие ее... перестало быть утилитарным и выразилось... в чистом, “незаинтересованном” эросе»³. Как раз этого-то он не видит в русской философии. Оттого, на его взгляд, «история русской философии, как мысли, проникнутой духом утилитаризма, есть история донаучной философской мысли, – история философии, которая не познала себя как философию свободную, не подчиненную, философию чистую, философию-знание, философию как искусство»⁴. Неудивительно, что сквозь это феноменологическое покрывало русская философия предстает в одних только искажениях и осуждениях. Красноречив сам перечень названий глав исследования Шпета: «Невегласие», «Около школы», «По прописям», «По линейкам», «Первые испытания», «Первые ученики». И это – за восемь столетий, с XI по XVIII вв.!

¹ Там же.

² *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 1. – С. 24.

³ *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. Ч. 1. – Пг., 1922. С. 34.

⁴ Там же. С. 35–36.

К разряду таких же стереотипов относится и *негативизм*, т. е. ложно-критическое восприятие общего состояния и тенденций развития национальной философии.

Примером может служить исследование *С. А. Левицкого*. «В Древней Руси – как Киевской, так и Московской, – пишет он, – мы видим лишь бледные намеки на мысль: Древняя Русь не знала ни богословия, ни философии, ей была чужда стихия отвлеченной ищущей мысли»¹. И хотя там встречаются «удивительные духовные прозрения, но мудрость была нема, бессловесна»; «русский Логос немотствовал»². По его мнению, две причины способствовали этому: одна «была угадана еще Чаадаевым: ...мы приняли христианство от Византии, где риторика и благолепие обряда часто заслоняли мысль»³; другая причина заключалась «в том факте, что Библия и благая весть Евангелия были получены нами в македонском наречии древнеболгарского языка, понятного тогда народу»⁴. Этот «аргумент» он заимствовал у Шпета, который также считал, что «солунские братья (т. е. первоучители славянства Кирилл и Мефодий. – *Авт.*) сыграли для России фатальную роль»⁵, способствовав благодаря созданной ими азбуке усвоению русскими христианства на родном языке. Тем самым они оторвались от античных истоков. Как и Шпет, Левицкий утверждает, что именно это привело Россию к «многовековому умственному застою», породившему «известный комплекс неполноценности... по отношению к Западу»⁶. Способом же компенсации этого комплекса, с его точки зрения, стала «идея избранничества русского народа»⁷, которая представляется Левицкому признаком нравственного вырождения.

Наконец, весьма распространен и такой субъективистский стереотип, как *принцип партийности*, в соответствии с которым национальная философская мысль исследуется под углом зрения тех или иных приоритетов господствующей идеологии.

В этом отношении типична позиция *Н. О. Лосского*. Согласно его представлениям, вся русская философия (а он начинает ее со славянофилов) «была попыткой опровергнуть немецкий тип фило-

¹ *Левицкий С.А.* Очерки по истории русской философии // Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1996. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же.

⁵ *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. Ч. 1. – С. 12.

⁶ *Левицкий С.А.* Очерки по истории русской философии. – С. 13.

⁷ Там же. С. 14.

софствования на основе русского толкования христианства»¹. Если бы это было действительно так, то, очевидно, речь могла бы идти о богословии, а не философии. Хотя, как известно, философия развивается и не в свойственной ей форме, тем не менее всегда можно провести разграничительную линию между «материей» философии и ее всевозможными воплощениями. Поэтому само по себе истолкование христианства, даже будучи и «русским», не имеет ничего общего ни с опровержением «немецкого» (вообще любого!) типа философствования, ни с задачей построения новой философской системы.

Схожей тенденцией отмечено и исследование *А. А. Галактионова* и *П. Ф. Никандрова*. На их взгляд, в средние века Россия «не могла опереться на наследие античного мира», сокрытого от нее пришлым вероучением христианства, и это обусловило то, что «возникновение светской культуры, естествознания и философии, свободной от религии, запоздало у нас на 200–300 лет в сравнении с более развитыми европейскими странами»². Когда же она стала на путь петровских преобразований, то «из неизбежного сопоставления условий русской жизни с жизнью передовых европейских стран выросла у нас одна из самых острых проблем общественной жизни – проблема России и Запада»³. В русле решения данной проблемы, отмечают авторы, и началось движение русской мысли в направлении идеологии марксизма, в свете которого «старые доктрины обнаружили свою архаичность»⁴ и утратили всякое историческое значение. Поэтому из прошлого русской мысли они берут только то, что, на их взгляд, так или иначе подводит ее «к диалектическому материализму, материалистическому объяснению истории и пролетарскому социализму»⁵, оставляя за рамками своего исследования все течения идеализма и религиозной философии.

Составители настоящего учебника исходили из того, что философия возникает вместе с культурой и существует в культуре, рядясь в ее разнообразные одежды, пока не достигнет свойственной ей национальной формы. Чаадаев был прав, когда говорил, что «космополитическое будущее философии – пустая мечта»⁶. Отсюда

¹ Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991. С. 25.

² Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия IX–XIX вв. – Л., 1989. С. 9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 706.

⁵ Там же. С. 707.

⁶ Чаадаев П.Я. Философические письма // Соч. – М., 1989. С. 95.

проистекает важность периодизации историко-философского процесса. Для русской философии это означает следующее. Начальный этап ее формирования относится к эпохе средневековья, охватывающего семь столетий – с XI по XVII вв. Тогда она еще всецело находится в ведении религии, представляя собой разновидность богословско-экзегетического творчества, основанного на признании безусловного приоритета Священного Писания. Но в ней одновременно просматривается секуляризирующая тенденция, оставляющая место разуму, мышлению. На этой почве развивается просветительская традиция, которая выходит на уровень обсуждения проблем натурфилософии, антропологии и политики. В русской философии это в полной мере реализуется в XVIII в., когда она все более сближается с западноевропейской философией, воспринимая ее новаторские идеи. Расцвет русской философии, ее классический период – это уже XIX – начало XX в.; именно в этот период она принимает совершенно самостоятельный характер, не только открыто соперничая с западноевропейской философией, но и создавая собственные духовно-интеллектуальные ценности, входящие в разряд общемировых достижений. Последний, четвертый, этап приходится на советский период. Несмотря на засилье официальной идеологии марксизма-ленинизма, русская философия в этот период срастается с наукой и продолжает свое существование в форме философского сциентизма, подготавливая тем самым теоретические предпосылки для дальнейшего свободного развития.

Учебник подготовлен сотрудниками кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета и содержит концептуальный обзор основных направлений отечественного любомудрия и трудов их главных представителей.